

Сергей Есенин

Анна Снегина



Часть сборника
Жизнь моя за песню продана
(сборник)



Сергей Александрович Есенин

Анна Снегина

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172064
Сергей Есенин. Лирика: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-014123-4, 978-5-9713-4871-9*

Аннотация

«Село, значит, наше – Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя...»

Содержание

1	4
2	12
3	19
4	27
5	34

Сергей Есенин

Анна Снегина

А. Воронскому

1

«Село, значит, наше – Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя.

Мы в важные очень не лезем,
Но всё же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.
У каждого крашены ставни,
По праздникам мясо и квас.
Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас.

Оброки платили мы к сроку,
Но – грозный судья – старшина
Всегда прибавлял к оброку
По мере муки и пшена.
И чтоб избежать напасти,
Излишек нам был без тягот.
Раз – власти, на то они власти,
А мы лишь простой народ.

Но люди – все грешные души.
У многих глаза – что клыки.
С соседней деревни Криуши
Косились на нас мужики.
Житье у них было плохое —
Почти вся деревня вскачь
Пахала одной сохою
На паре заезженных кляч.

Каких уж тут ждать обилий, —
Была бы душа жива.
Украдкой они рубили
Из нашего леса дрова.
Однажды мы их застали...
Они в топоры, мы тож.
От звона и скрежета стали

По телу катилась дрожь.

В скандале убийством пахнет.

И в нашу и в их вину

Вдруг кто-то из них как ахнет! —

И сразу убил старшину.

На нашей быдластой сходке

Мы делу условили ширь.

Судили. Забили в колодки

И десять услали в Сибирь.

С тех пор и у нас неуряды.

Скатилась со счастья вожжа.

Почти что три года кряду

У нас то падеж, то пожар».

* * *

Такие печальные вести

Возница мне пел весь путь.

Я в радовские предместья

Ехал тогда отдохнуть.

Война мне всю душу изъела.

За чей-то чужой интерес

Стрелял я в мне близкое тело

И грудью на брата лез.

Я понял, что я – игрушка,
В тылу же купцы да знать,
И, твердо простившись с пушками,
Решил лишь в стихах воевать.
Я бросил мою винтовку,
Купил себе «липу»¹, и вот
С такою-то подготовкой
Я встретил 17-й год.

Свобода взметнулась неистово.
И в розово-смердном огне
Тогда над странною калифствовал
Керенский на белом коне.
Война «до конца», «до победы».
И тут же сермяжную рать
Прохвосты и дармоеды
Сгоняли на фронт умирать.
Но всё же не взял я шпагу...
Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу —
Был первый в стране дезертир.

¹ «Липа» – подложный документ. – Примеч. автора.

* * *

Дорога довольно хорошая,
Приятная хладная звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
«Ну, вот оно, наше Радово, —
Промолвил возница, —
Здесь!
Недаром я лошади вкладывал
За норы ее и спесь.
Позволь, гражданин, на чайшко.
Вам к мельнику надо?
Так вон!..
Я требую с вас без излишка
За дальний такой прогон».

.....

Даю сороковку.
«Мало!»
Даю еще двадцать.
«Нет!»
Такой отвратительный малый.
А малому тридцать лет.
«Да что ж ты?
Имеешь ли душу?»

За что ты с меня гребешь?»
И мне отвечает туша:
«Сегодня плохая рожь.
Давайте еще незвонких
Десяток или штукек шесть —
Я выпью в шинке самогонки
За ваше здоровье и честь...»

* * *

И вот я на мельнице...
Ельник
Осыпан свечьми светляков.
От радости старый мельник
Не может сказать двух слов:
«Голубчик! Да ты ли?
Сергуха!
Озяб, чай? Поди, продрог?
Да ставь ты скорее, старуха,
На стол самовар и пирог!»

В апреле прозябнуть трудно,
Особенно так в конце.
Был вечер задумчиво чудный,
Как дружья улыбка в лице.
Обьятъя мельника круты,

От них заревет и медведь,
Но всё же в плохие минуты
Приятно друзей иметь.

«Откуда? Надолго ли?»

«На год».

«Ну, значит, дружище, гуляй!
Сим летом грибов и ягод
У нас хоть в Москву отбавляй.
И дичи здесь, братец, до черта,
Сама так под порох и прет.
Подумай ведь только...

Четвертый

Тебя не видали мы год...»

.....

Беседа окончена.

Чинно

Мы выпили весь самовар.
По-старому с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим взглядам
Состарившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,

И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие, милые были.
Тот образ во мне не угас...
Мы все в эти годы любили,
Но мало любили нас.

2

«Ну что же! Вставай, Сергуша!

Еще и заря не текла,
Старуха за милую душу

Оладьев тебе напекла.
Я сам-то сейчас уеду
К помещице Снегиной...

Ей

Вчера настрелял я к обеду
Прекраснейших дупелей».

Привет тебе, жизни денница!

Встаю, одеваюсь, иду.

Дымком отдаёт росяница
На яблонях белых в саду.

Я думаю:

Как прекрасна

Земля

И на ней человек.

И сколько с войной несчастных

Уродов теперь и калек!

И сколько зарыто в ямах!

И сколько зароят еще!

И чувствую в скулах упрямых

Жестокою судоргу щек.

Нет, нет!

Не пойду навеки.

За то, что какая-то мразь

Бросает солдату-калеке

Пятак или гривенник в грязь.

«Ну, доброе утро, старуха!

Ты что-то немного сдала?»

И слышу сквозь кашель глухо:

«Дела одолели, дела.

У нас здесь теперь неспокойно.

Испариной всё зацвело.

Сплошные мужицкие войны —

Дерутся селом на село.

Сама я своими ушами

Слыхала от прихожан:

То радовцев бьют криушане,

То радовцы бьют криушан.

А всё это, значит, безвластьё.

Прогнали царя...

Так вот...

Посыпались все напасти

На наш неразумный народ.

Открыли зачем-то остроги,

Злодеев пустили лихих.

Теперь на большой дороге
Покою не знай от них.
Вот тоже, допустим... с Криуши...
Их нужно б в тюрьму за тюрьмой,
Они ж, воровские души,
Вернулись опять домой.
У них там есть Прон Оглоблин,
Булдыжник, драчун, грубиян.
Он вечно на всех озлоблен,
С утра по неделям пьян.
И нагло в третьёвом годе,
Когда объявили войну,
При всем честном народе
Убил топором старшину.
Таких теперь тысячи стало
Творить на свободе гнусь.
Пропала Расея, пропала...
Погибла кормилица Русь...»

Я вспомнил рассказ возницы
И, взяв свою шляпу и трость,
Пошел мужикам поклониться,
Как старый знакомый и гость.

Иду голубою дорожкой
И вижу – навстречу мне
Несется мой мельник на дрожках
По рыхлой еще целине.
«Сергуха! За милую душу!
Постой, я тебе расскажу!
Сейчас! Дай поправить вожжу,
Потом и тебя оглошу.
Чего ж ты мне утром ни слова?
Я Снегиным так и бряк:
Приехал ко мне, мол, веселый
Один молодой чудака.
(Они ко мне очень желанны,
Я знаю их десять лет.)
А дочь их замужняя Анна
Спросила:
– Не тот ли, поэт?
– Ну, да, – говорю, – он самый.
– Блондин?
– Ну, конечно, блондин!
– С кудрявыми волосами?
– Забавный такой господин!
– Когда он приехал?

– Недавно.

– Ах, мамочка, это он!

Ты знаешь,

Он был забавно

Когда-то в меня влюблен.

Был скромный такой мальчишка,

А нынче...

Поди ж ты...

Вот...

Писатель...

Известная шишка...

Без просьбы уж к нам не придет».

И мельник, как будто с победы,

Лукаво прищурил глаз:

«Ну, ладно. Прощай до обеда!

Другое сдержу про запас».

Я шел по дороге в Криушу

И тростью сшибал зеленыя.

Ничто не пробилось мне в душу,

Ничто не смутило меня.

Струилися запахи сладко,

И в мыслях был пьяный туман...

Теперь бы с красивой солдаткой

Завесть хорошо роман.



Но вот и Криуша...

Три года

Не зрел я знакомых крыш.

Сиреневая погода

Сиренью обрызгала тишь.

Не слышно собачьего лая,

Здесь нечего, видно, стеречь —

У каждого хата гнилая,

А в хате ухваты да печь.

Гляжу, на крыльце у Прона

Горластый мужицкий галдеж.

Толкуют о новых законах,

О ценах на скот и рожь.

«Здорово, друзья!»

«Э, охотник!

Здорово, здорово!

Садись!

Послушай-ка ты, беззаботник,

Про нашу крестьянскую жисть.

Что нового в Питере слышно?

С министрами, чай, ведь знаком?

Недаром, едрит твою в дышло,

Воспитан ты был кулаком.

Но всё ж мы тебя не порочим.
Ты – свойский, мужицкий, наш,
Бахвалишься славой не очень
И сердце свое не продашь.
Бывал ты к нам зорким и рьяным,
Себя вынимал на испод...

Скажи:

Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?
Кричат нам,
Что землю не троньте,
Еще не настал, мол, миг.
За что же тогда на фронте
Мы губим себя и других?»

И каждый с улыбкой угрюмой
Смотрел мне в лицо и в глаза,
А я, отягченный думой,
Не мог ничего сказать.
Дрожали, качались ступени,
Но помню
Под звон головы:
«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он – вы».

3

На корточках ползали слухи,
Судили, решали, шепча.
И я от моей старухи
Достаточно их получал.

Однажды, вернувшись с тяги,
Я лег подремать на диван.
Разносчик болотной влаги,
Меня прознобил туман.
Трясло меня, как в лихорадке,
Бросало то в холод, то в жар,
И в этом проклятом припадке
Четыре я дня пролежал.

Мой мельник с ума, зная, спятил.
Поехал,
Кого-то привез...
Я видел лишь белое платье
Да чей-то привздернутый нос.
Потом, когда стало легче,
Когда прекратилась трясь,
На пятые сутки под вечер
Простуда моя улеглась.

Я встал.

И лишь только пола

Коснулся дрожащей ногой,

Услышал я голос веселый:

«А!

Здравствуйте, мой дорогой!

Давненько я вас не видала.

Теперь из ребяческих лет

Я важная дама стала,

А вы – знаменитый поэт.

.....

Ну, сядем.

Прошла лихорадка?

Какой вы теперь не такой!

Я даже вздохнула украдкой,

Коснувшись до вас рукой.

Да...

Не вернуть, что было.

Все годы бегут в водоем.

Когда-то я очень любила

Сидеть у калитки вдвоем.

Мы вместе мечтали о славе...

И вы угодили в прицел,

Меня же про это заставил

Забыть молодой офицер...»

* * *

Я слушал ее и невольно
Оглядывал стройный лик.
Хотелось сказать:
«Довольно!
Найдемте другой язык!»

Но почему-то, не знаю,
Смущенно сказал невпопад:
«Да... Да...
Я сейчас вспоминаю...
Садитесь.
Я очень рад.
Я вам прочитаю немного
Стихи
Про кабацкую Русь...
Отделано четко и строго.
По чувству – цыганская грусть».
«Сергей!
Вы такой нехороший.
Мне жалко,
Обидно мне,
Что пьяные ваши дебоши
Известны по всей стране.

Скажите:

«Что с вами случилось?»»

«Не знаю».

«Кому же знать?»»

«Наверно, в осеннюю сырость

Меня родила моя мать».

«Шутник вы...»

«Вы тоже, Анна».

«Кого-нибудь любите?»»

«Нет».

«Тогда еще более странно

Губить себя с этих лет:

Пред вами такая дорога...»

Сгущалась, туманилась даль...

Не знаю, зачем я трогал

Перчатки ее и шаль.

.....

Луна хохотала, как клоун.

И в сердце хоть прежнего нет,

По-странному был я полон

Наплывом шестнадцати лет.

Расстались мы с ней на рассвете

С загадкой движений и глаз...

* * *

Есть что-то прекрасное в лете,
А с летом прекрасное в нас.

* * *

Мой мельник...
Ох, этот мельник!
С ума меня сводит он.
Устроил волынку, бездельник,
И бегаёт как почтальон.
Сегодня опять с запиской,
Как будто бы кто-то влюблен:
«Придите.
Вы самый близкий.
С любовью
Оглоблин Прон».
Иду.
Прихожу в Криушу.
Оглоблин стоит у ворот
И спьяну в печенки и в душу
Костит обнищавший народ:
«Эй, вы!

Тараканье отродье!
Все к Снегиной!..
Р-раз и квас!
Даешь, мол, твои угодыя
Без всякого выкупа с нас!»
И тут же, меня завидя,
Снижая сварливую прыть,
Сказал в неподдельной обиде:
«Крестьян еще нужно варить».

«Зачем ты позвал меня, Проша?»
«Конечно, ни жать, ни косить.
Сейчас я достану лошадь
И к Снегиной... вместе...
Просить...»
И вот запрягли нам клячу.
В оглоблях мосластая шкетъ —
Таких отдают с придачей,
Чтоб только самим не иметь.
Мы ехали мелким шагом,
И путь нас смешил и злил:
В подъемах по всем оврагам
Телегу мы сами везли.

Приехали.
Дом с мезонином

Немного присел на фасад.
Волнующе пахнет жасмином
Плетневый его палисад.
Слезаем.
Подходим к террасе
И, пыль отряхая с плеч,
О чем-то последнем часе
Из горницы слышим речь:
«Рыдай не рыдай – не помога...
Теперь он холодный труп...
Там кто-то стучит у порога...
Припудрись...
Пойду отопру...»

Дебелая грустная дама
Откинула добрый засов.
И Прон мой ей брякнул прямо
Про землю,
Без всяких слов.
«Отдай!.. —
Повторил он глухо. —
Не ноги ж тебе целовать!»
Как будто без мысли и слуха
Она принимала слова.
Потом в разговорную очередь
Спросила меня

Сквозь жуть:

«А вы, вероятно, к дочери?

Присядьте...

Сейчас доложу...»

Теперь я отчетливо помню

Тех дней роковое кольцо.

Но было совсем не легко мне

Увидеть ее лицо.

Я понял —

Случилось горе,

И молча хотел помочь.

«Убили... Убили Борю...

Оставьте!

Уйдите прочь!

Вы – жалкий и низкий трусишка.

Он умер...

А вы вот здесь...»

Нет, это уж было слишком.

Не всякий рожден перенести.

Как язвы, стыдясь оплеухи,

Я Прону ответил так:

«Сегодня они не в духе...

Поедем-ка, Прон, в кабак...»

4

Всё лето провел я в охоте.
Забыл ее имя и лик.
Обиду мою
На болоте
Оплакал рыдальщик-кулик.

Бедна наша родина кроткая
В древесную цветень и сочъ,
И лето такое короткое,
Как майская теплая ночь.
Заря холодней и багровой.
Туман припадает ниц.
Уже в облетевшей дуброве
Разносится звон синиц.
Мой мельник вовсю улыбается,
Какая-то веселость в нем.
«Теперь мы, Сергуха, по зайцам
За милую душу пальнем!»
Я рад и охоте...
Коль нечем
Развеять тоску и сон.
Сегодня ко мне под вечер,
Как месяц, вкатился Прон:

«Дружище!

С великим счастьем!

Настал ожидаемый час!

Приветствую с новой властью!

Теперь мы всех р-раз и квас!

Без всякого выкупа с лета

Мы пашни берем и леса.

В России теперь Советы

И Ленин – старшой комиссар.

Дружище!

Вот это номер!

Вот это почин так почин.

Я с радости чуть не помер,

А брат мой в штаны намочил.

Едри ж твою в бабушку плюнуть!

Гляди, голубарь, веселей!

Я первый сейчас же коммуны

Устрою в своем селе».

У Прона был брат Лабутя,

Мужик – что твой пятый туз:

При всякой опасной минуте

Хвальбишка и дьявольский трус.

Таких вы, конечно, видали.

Их рок болтовней наградил.

Носил он две белых медали

С японской войны на груди.
И голосом хриплым и пьяным
Тянул, заходя в кабак:
«Прославленному под Ляояном
Ссудите на четвертак...»
Потом, насосавшись до дури,
Взволнованно и горячо
О сдавшемся Порт-Артуре
Соседу слезил на плечо.
«Голубчик! —
Кричал он. —
Петя!
Мне больно... Не думай, что пьян.
Отвагу мою на свете
Лишь знает один Ляоян».
Такие всегда на примете.
Живут, не мозоля рук.
И вот он, конечно, в Совете,
Медали запрятал в сундук.
Но с тою же важной осанкой,
Как некий седой ветеран,
Хрипел под сивушной банкой
Про Нерчинск и Турухан:
«Да, братец!
Мы горе видали,
Но нас не запугивал страх...»

.....
Медали, медали, медали
Звенели в его словах.
Он Прону вытягивал нервы,
И Прон материл не судом.
Но всё ж тот поехал первый
Описывать снегинский дом.

В захвате всегда есть скорость:
– Даешь! Разберем потом!
Весь хутор забрали в волость
С хозяйками и со скотом.

А мельник...

.....
Мой старый мельник
Хозяек привез к себе,
Заставил меня, бездельник,
В чужой ковыряться судьбе.
И снова нахлынуло что-то...
Тогда я всю ночь напролет
Смотрел на скривленный заботой
Красивый и чувственный рот.

Я помню —
Она говорила:

«Простите... Была не права...
Я мужа безумно любила.
Как вспомню... болит голова...
Но вас
Оскорбила случайно...
Жестокость была мой суд...
Была в том печальная тайна,
Что страстью преступной зовут.
Конечно,
До этой осени
Я знала б счастливую быль...
Потом бы меня вы бросили,
Как выпитую бутылъ...
Поэтому было не надо...
Ни встреч... ни вообще продолжать...
Тем более с старыми взглядами
Могла я обидеть мать...»

Но я перевел на другое,
Уставясь в ее глаза,
И тело ее тугое
Немного качнулось назад.
«Скажите,
Вам больно, Анна,
За ваш хуторской разор?»
Но как-то печально и странно

Она опустила свой взор...

.....

«Смотрите...

Уже светает.

Заря как пожар на снегу...

Мне что-то напоминает...

Но что?..

Я понять не могу...

Ах!.. Да...

Это было в детстве...

Другой... Не осенний рассвет...

Мы с вами сидели вместе...

Нам по шестнадцать лет...»

Потом, оглядев меня нежно

И лебеда выгнув рукой,

Сказала как будто небрежно:

«Ну, ладно...

Пора на покой...»

.....

Под вечер они уехали.

Куда?

Я не знаю куда.

В равнине, проложенной вехами,

Дорогу найдешь без труда.

Не помню тогдашних событий,
Не знаю, что сделал Прон.
Я быстро умчался в Питер
Развеять тоску и сон.

Суровые, грозные годы!
Но разве всего описать?
Слыхали дворцовые своды
Солдатскую крепкую «мать».

Эх, удаль!
Цветение в далях!
Недаром чумазый сброд
Играл по дворам на роялях
Коровам тамбовский фокстрот.
За хлеб, за овес, за картошку
Мужик залучил граммофон, —
Слюнявя козлиную ножку,
Танго себе слушает он.
Сжимая от прибыли руки,
Ругаясь на всякий налог,
Он мыслит до дури о штуке,
Катающейся между ног.
Шли годы
Размашисто, пылко...
Удел хлебороба гас.
Немало попрело в бутылках
«Керенок» и «ходей» у нас.

Фефёла! Кормилец! Касатик!
Владелец земель и скотом,
За пару измызганных «катек»
Он даст себя выдрать кнутом.

Ну, ладно.

Довольно стонов!

Не нужно насмешек и слов!

Сегодня про участь Прона

Мне мельник прислал письмо:

«Сергуха! За милую душу!

Привет тебе, братец! Привет!

Ты что-то опять в Криушу

Не кажешься целых шесть лет!

Утешь!

Соберись, на милость!

Прижваривай по весне!

У нас здесь такое случилось,

Чего не расскажешь в письме.

Теперь стал спокой в народе,

И буря пришла в угомон.

Узнай, что в двадцатом годе

Расстрелян Оглоблин Прон.

Расея...

Дуровая зыкъ она.

Хошь верь, хошь не верь ушам —

Однажды отряд Деникина
Нагрязнул на криушан.
Вот тут и пошла потеха...
С потехи такой – околеть.
Со скрежетом и со смехом
Гульнула казацкая плеть.
Тогда вот и чикнули Проню,
Лабутя ж в солому залез
И вылез,
Лишь только кони
Казацкие скрылись в лес.
Теперь он по пьяной морде
Еще не устал голосить:
«Мне нужно бы красный орден
За храбрость мою носить...»
Совсем прокатились тучи...
И хоть мы живем не в раю,
Ты всё ж приезжай, голубчик,
Утешить судьбину мою...»

* * *

И вот я опять в дороге.
Ночная июньская хмарь.
Бегут говорливые дроги
Ни шатко ни валко, как встарь.

Дорога довольно хорошая,
Равнинная тихая звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
Мелькают часовни, колодцы,
Околицы и плетни.
И сердце по-старому бьется,
Как билось в далекие дни.

Я снова на мельнице...

Ельник

Усыпан свечьми светляков.

По-старому старый мельник

Не может связать двух слов:

«Голубчик! Вот радость! Сергуха!

Озяб, чай? Поди, продрог?

Да ставь ты скорее, старуха,

На стол самовар и пирог.

Сергунь! Золотой! Послушай!

.....

И ты уж старик по годам...

Сейчас я за милую душу

Подарок тебе передам».

«Подарок?»

«Нет...

Просто письмишко.

Да ты не спеши, голубок!
Почти что два месяца с лишком
Я с почты его приволок».

Вскрываю... читаю... Конечно!
Откуда же больше и ждать!
И почерк такой беспечный,
И лондонская печать.
«Вы живы?.. Я очень рада...
Я тоже, как вы, жива.
Так часто мне снится ограда,
Калитка и ваши слова.
Теперь я от вас далёко...
В России теперь апрель.
И синею заволокой
Покрыта береза и ель.
Сейчас вот, когда бумаге
Вверяю я грусть моих слов,
Вы с мельником, может, на тяге
Подслушиваете тетеревов.
Я часто хожу на пристань
И, то ли на радость, то ль в страх,
Гляжу среди судов всё пристальней
На красный советский флаг.
Теперь там достигли силы.
Дорога моя ясна...

Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна».

.....

Письмо как письмо.

Беспричинно.

Я в жисть бы таких не писал.

По-прежнему с шубой овчинной

Иду я на свой сеновал.

Иду я разросшимся садом,

Лицо задевает сирень.

Так мил моим вспыхнувшим взглядам

Погорбившийся плетень.

Когда-то у той вон калитки

Мне было шестнадцать лет.

И девушка в белой накидке

Сказала мне ласково: «Нет!»

Далекие милые были!..

Тот образ во мне не угас.

Мы все в эти годы любили,

Но, значит,

Любили и нас.

Январь 1925

Батум